

Кирилл Зубков
(Санкт-Петербург)

История одного сюжета: к проблеме литературной репутации Н. В. Успенского

Первым парадоксом, с которым сталкивается любой исследователь произведений Н. В. Успенского, является репутация этого писателя. Первое издание рассказов Успенского¹ пользовалось успехом у критиков: так, в программной для «реальной» критики² рецензии Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?»³ автор рассказов объявлялся лучшим описателем народной жизни в истории русской литературы, а полемизировавший с Чернышевским Ф. М. Достоевский⁴ не отрицал появления в русской литературе замечательного таланта. Однако через несколько лет произошла полная переоценка Успенского: критика почти единогласно осудила его, признав писателем, неспособным распорядиться своим талантом.⁵ Значительно расширивший тематику своих произведений и писавший далеко не только о крестьянах, Успенский так и остался в глазах критиков автором рассказов о простонародье. Вероятно, именно трактовка народных характеров в творчестве Успенского повлияла на его парадоксальную репутацию. В этой работе мы рассмотрим эту трактовку на одном показательном для творчества Успенского примере.

В 1889 г., незадолго до своей смерти, Успенский опубликовал маленькую книжку мемуаров⁶, которую рецензенты оценили как клеветническую и позорящую память великих современников мемуариста, в первую очередь Н. А. Некрасова⁷. Среди прочих воспоминаний (по преимуществу, недостоверных), в этой книге содержится рассказ о том, как Успенский смог поразить Л. Н. Толстого одной историей из народной жизни. Приведем эту историю в изложении Успенского и с его комментарием:

— А вот вам более светлая картинка: два соседа из-за чего-то между собою так рассорились, что порешили судиться в волостном правлении, которое находилось от них в далеком расстоянии... Когда наступил день отъезда в деревенский синедрион, один из соседей обратился к своему врагу с вопросом:

— Ты что же, Ермолай, уж запрягаешь лошадь?

— Запрягаю... На дворе-то, вишь ты, не рано...

— Вот какое дело, братец ты мой: чем нам гонять двух лошадей — поедем на одной... Моя, примером скажем, будет телега, а твоя лошадь, али так повернем: моя будет лошадь, а твоя телега... авось, сам знаешь: не под расчет нам

с тобою трепать две телеги и гонять пару лошадей... Кабы, значит, мы с тобой в разные места ехали...

— Что ж? Это ты вздумал правильно... она ведь, лошадь-то, хоть и скот, а все понимает и чувствует, ежели ее без толку гоняют...

— Вся причина, она дома пригодится...

— Про что ж я-то говорю?... Чудак!.. Тоже надо Бога бояться...

Тяжущиеся уселись в одной телеге и отправились в «волоостную»... Дорогой они покурили из одной трубочки, а при первом на пути кабаке остановились.

— Аль нам выпить? — заметил один.

— Что ж? Коли такое дело, у меня гривенник денег наберется...

— Да ведь и я тоже захватил с собою про запас... неровен случай... дорога дальняя.

— Вестимо дело, путь тоже не близкий...

Зашли мужики в кабак, выпили и почувствовали себя в самом праздничном расположении духа.

— А что я тебе скажу, Аверьян, начали они беседу: из-за чего мы с тобой затеяли эти самые дразги?

— Из-за чего? Сам знаешь, из-за баб...

— А ты понимаешь ли, что такое баба? Она, я тебе скажу, самая что ни на есть первая смутьянка в семье... Сколько из-за ней нашего брата погибает!

— Постой! а мы-то с тобой кто ж такие? Мужья, аль нет? Имеем мы полную праву командовать над бабой, аль нет? Говори по истинной правде!.. А вот что я тебе скажу, милый человек: лучше бросим эту канитель да поедем домой... Что нам с тобой делить? У тебя свое хозяйство, у меня свое... Стало быть, что ж тут толковать? А то, знаешь, какое дело: приедем мы, положим, в Курносово... Сейчас, первым делом, старшину надо ублаготворить, писаря — тоже... а там судьи привяжутся... Да прах их возьми совсем!.. Скажи, значит, по душе: ну на что они нам нужны? Мы с тобой легче сами выпьем, нежели поштвовать будем всякую араву... И мужики с миром возвратились домой.

— Экая прелесть, экая прелесть! — сжимая руками свою голову и в ажитации расхаживая по комнате, восклицал граф, — не можете ли вы эту вещь слегка обработать и набросать на бумагу... Я бы с удовольствием купил у вас этот рассказ для «Ясной Поляны» (журнал для детей); здесь поражает не бытовая или жанровая картина, а сама жизненная правда, воплощенная в типические образы... Ведь вся суть дела не в том, что поссорившиеся мужики поехали на одной телеге и завернули в кабак, а в той вечной и несокрушимой морали, что жить на свете надо по-христиански... «Аще кто тебя ударит по ланите, подставь ему другую».

В продолжение целых 27 лет граф не мог забыть этого рассказа, и при последнем моем свидании с ним, в Москве, когда я его встретил в скромной блузе, подпоясанной широким ремнем, он спросил меня:

— Что же, ваш бесподобный рассказ о поссорившихся мужиках нигде не был напечатан?

— Нигде... Признаться сказать, я совсем и забыл о нем...

— А ведь я уже сам хотел обработать его... для народа...

— Вы этим сделали бы мне великую честь, Лев Николаич...⁸

Весь приведенный рассказ кажется неправдоподобным, особенно если учесть, что мемуары вышли через 27 лет после якобы имевшего места разговора. Однако правдивость рассказа Успенского подтверждается множеством фактов. 13 декабря 1885 г. В. Г. Чертков написал Т. Л. Толстой письмо, из которого следует, что в кругу Толстого сюжет Успенского действительно вызывал интерес:

В Москве у ваших родителей я узнал, что писатель Николай Успенский (кажется, так его зовут) нуждается в работе; а отец ваш рассказал мне, что этот писатель когда-то наметил себе тему о том, как мужики поссорились и поехали к мировому. Ехали они в разных санях, но дорогой их настигла метель, и они помогали друг другу, пересаживались, и к приезду у мирового уже все перемешались и передружились так, что и сами не могли понять, зачем они станут судиться. Не напишете ли вы этому писателю письмо, в котором изложили бы в общих чертах цель наших изданий, попросили бы его написать для нас этот или подобный рассказ? Ваш отец даст вам все нужные сведения; а мать ваша знает его адрес⁹.

Сопоставление двух изложений одного и того же сюжета показывает, насколько разной была его трактовка. В рассказе Черткова появляются два важных мотива, отсутствующие у Успенского¹⁰: во-первых, метель, мотивирующая решение мужиков пойти в кабак, и, во-вторых, их дружба. В 1906 г. в записной книжке Д. П. Маковицкого приводится следующее утверждение Толстого:

Ходит к нему [Толстому] телятинский мужик — старик, пишущий для Л. Н. свою жизнь; у него тоже суд из-за земли с телятинским мужиком, на которого озлоблен. Л. Н. рассказал, что он подсказал тему Семенову, как едущие в суд тяжущиеся по пути догоняют друг друга, сдружились в трактире и приезжают уже примиренные, в недоумении, что им судиться¹¹.

Комментаторы полного собрания сочинений Толстого установили, что на этот сюжет уже после смерти Успенского был написан рассказ «Недруги» С. Т. Семенова — писателя, находившегося под сильным влиянием Толстого¹². Фабула рассказа достаточно проста: утром мужик Парамон просыпается, вспоминает, что должен ехать в суд по делу о его ссоре со своим соседом Евдокимом (крестьяне поссорились на сходке и подрались), берет свидетелей и отправляется в город. В дороге Парамон и Евдоким попадают в метель и сбиваются с дороги, однако встретив друг друга, герои вновь находят ее и заезжают в трактир, где выпивают, мирятся и едут в суд только для того, чтобы заявить чиновникам об отказе от тяжбы.

Рассказ Семенова явно связан с «толстовской» обработкой сюжета: как и в письме Черткова, в нем присутствуют мотивы метели и дружбы мужиков. Эти мотивы тесно связаны друг с другом. Метель у Семенова

является носителем символического смысла. Она ассоциируется с таинственностью и непредсказуемостью окружающего мира. В силу этой непредсказуемости человек не знает своего будущего, а потому обязан думать о вечных ценностях, не откладывая решение нравственных вопросов «на потом»:

А кругом стояла мгла. Уж не было видно ни лесов, ни огорков, а висела густая дымчатая пелена. Бело было внизу, бело по сторонам, бело вверху. Ветерок делался больше и больше. Он дул им справа, и катившийся от него снег тихо шелестел¹³.

В хаосе метели мужики понимают, что обязаны помогать друг другу. В этих условиях проявляется их естественная близость друг к другу, а отсюда вскоре возникает и дружба. Здесь очевидна ориентация на художественную практику Толстого, в первую очередь на образ метели, в которой разрушаются условности цивилизации, в рассказе «Хозяин и работник». Как и у Толстого, у Семенова налицо тема преодоления вражды и обмана, посеянных цивилизацией. Однако у Семенова она разрешается намного более прямолинейно.

Прежде чем сопоставлять сюжет Успенского и сюжет Семенова, нужно сделать оговорку: в случае Успенского мы имеем дело с изложением замысла, поэтому сам анализ можно подвергнуть критике. Оправданием могут послужить три факта: во-первых, текст Успенского выглядит очень похоже на его завершённые произведения; во-вторых, мы будем пользоваться достаточно общими категориями, приложимыми даже к проекту текста; в-третьих, аналогичные выводы можно легко сделать и на основании анализа многих завершённых текстов Успенского¹⁴.

Сохраняя фабульную основу, Семенов трансформирует сюжет Успенского: в него привносится более высокая степень событийности¹⁵. Семенов, в подражание Толстому, усиливает психологическое начало у своих героев, вводя повествование с точки зрения одного из персонажей, многочисленные интроспекции и развернутый портрет. Нравственная борьба в душе героя является, таким образом, центральной темой «Недругов». Собственно, наиболее важной чертой рассказа Семенова и является стремление подчеркнуть наличие события, то есть некоего изменения во внутреннем состоянии героев, которое оценивается автором как внутренняя победа над собою. Примирение крестьян обставлено выглядит как победа над некой активной злой силой в их душах:

И Парамон вдруг проникся злобным чувством к своему сопернику и стал думать, что он будет говорить на суде, как он разъяснит, что он не только никаких дров не воровал, но и соломинкой чужой не пользовался, что он всякое пользо-

вание чужим добром считает грехом, да не имеет в этом никакой нужды. Он, слава Богу, не какой-нибудь, а обстоятельный крестьянин. У него все заведено. Оброк он платит исправно, и недоимок за ним никаких нет (88).

Видно, что эта злая сила связана с толстовской идеей греха, связанного с самодовольством.

Напротив, замысел Успенского полностью лишен любых характеристик личностей персонажей. Эту особенность нельзя объяснить незавершенностью замысла — даже в завершенных произведениях Успенского исследователи отмечали отсутствие собственно героев, то есть отсутствие индивидуализации действующих лиц¹⁶ (часто используемый в рассказах Успенского переход на точку зрения героя оказывается не средством психологизации, а способом устранить позицию образованного повествователя, создав эффект полной замкнутости изображаемого мира¹⁷). Завершенные произведения Успенского, таким образом, очень близки к его устному рассказу, который, несмотря на свое кажущееся маргинальным место в творчестве писателя, характерен для его манеры.

Показательно, что у Успенского вообще нет никакого переломного момента примирения: мужики ни о чем не думают, когда заходят в трактир, а решение помириться они принимают без всякого внимания к высоким идеалам или «естественным» чувствам человека. Никакого события в том, что мужики помирились, не произошло. Аналогичная бессобытийность вообще характеризует произведения Успенского: так, потрясающая драматическая история, рассказанная героиней рассказа «Старуха» (1857), обрывается сообщением, что слушавший купец уснул. Показательна и сценка «Проезжий» (1861), в котором жестоко и беспричинно избитый ямщик воспринимает побои как естественное событие и нисколько не обижается.

Крестьяне в рассказанном Успенским Толстому сюжете действуют исключительно под влиянием элементарного побуждения, которое у них не сопровождается никакими более сложными соображениями, зато мотивируется общественными условиями: в суде нужно заплатить целой «ораве». Примирение для героев не является серьезным решением: они изначально не осознают, что тяжба подразумевает вражду и не дает ехать на одной лошади и пить в одном кабаке, причем не оттого, что представляют собою неиспорченные натуры, а оттого, что их интеллектуальный уровень поразительно низок (на эту черту критики и исследователи часто указывают, например, в связи с рассказом Успенского «Обоз» (1860), герои которого оказались не в состоянии выполнить простейший арифметический подсчет).

Большая часть произведений Семенова, вопреки репутации этого автора как беспристрастного бытописателя, построена на достаточно прямолинейной нравоучительной оппозиции города и деревни. Город выступает у Семенова пространством зла, порока и разврата, тогда как деревенский быт, напротив, содержит потенциальную возможность это зло преодолеть. С городом при этом ассоциируются все дворянское, тогда как с деревней — крестьянское. Эта пространственная структура налицо и в «Недругах». Городское пространство в рассказе тоже играет важную роль, причем оно введено в сюжет Семеновым (Успенский и Чертков о городе не упоминают). В городе находится суд, а сама мысль о городе является источником злых побуждений в душе крестьян:

При слове «в город» Парамон и Евдоким вспомнили, зачем они туда едут, и вдруг благодушное выражение на их лицах исчезло, и они оба как будто бы потемнели. Перекинувшись сердитыми взглядами, они стали помешаться за разными столами (С. 95).

Опасное место, где герои встречаются с метелью, находится около усадьбы, что способствует разграничению крестьянского и дворянского пространства:

Проехали одну деревню, протянулись землями, принадлежащими к барскому имению, и въехали в большую лощину, называвшуюся Лужки. Лощина эта раскинулась версты на четыре и была ровная и гладкая (С. 86).

Совершенно отличается от этого замысел Успенского. Отметим в первую очередь христианскую «интерпретацию» сюжета Толстым, которую приводит Успенский (см. выше). Учитывая общую комичность образа Толстого в мемуарах, а также резкое осуждение Успенским толстовства¹⁸, можно предположить, что такая трактовка сюжета Успенскому была чужда. Христианская нравственность, противостоящая нравственности юридической, вряд ли беспокоила Успенского. Таким образом, у Успенского можно скорее говорить не об оппозиции города и деревни, а об оппозиции образования и интеллектуальной деятельности, с одной стороны, и силы привычки и элементарных инстинктов, с другой.

Итак, переработка Семеновым сюжета Успенского сопровождается изменениями в трех аспектах:

1. появление у персонажей индивидуальной психологии;
2. повышение уровня событийности;
3. изменение глубинной идеологической и пространственной оппозиции, на которой строится сюжет.

Анализ этих изменений показывает, что у Успенского этические категории отступают на второй план перед социальными: речь идет не о нравственности, а о том, как тяжелое положение крестьян влия-

ет на их сознание. Наиболее важно здесь необычное отношение Успенского к крестьянам. Семенов является очень традиционным писателем, когда противопоставляет крестьянское общество городскому. За этим противопоставлением скрывается мысль о наличии у крестьян качества, присущего им и не присущего «образованным» слоям общества. Эта мысль является определяющей для создания вообще народного рассказа, поскольку подразумевает существование очень размытого понятия «народа»¹⁹, представителями которого крестьяне оказываются в значительно большей степени, чем прочие сословия. Показательно, что оппозиция город–деревня у Успенского вообще всегда оказывается мнимой. Так, в рассказе «Брусилов» (1860) преисполненный юношеских надежд герой покидает убогую и нищую уездную жизнь и приезжает в Петербург, чтобы выяснить, что он ничем не лучше провинции. Город характеризуется в первую очередь как темное, холодное пространство, где люди подвержены всевозможным болезням. В рассказе «Студент» (1862) ситуация схожа: в начале описывается смерть нищего студента в Санкт-Петербурге. в квартире безумного старика. Вторая половина рассказа представляет собою письма к студенту брата, не поехавшего в столицу. Убожество и ограниченность провинции, видные из этой переписки, таковы, что судьба живущего там молодого человека кажется ничуть не лучше, чем участь умершего студента. Таким образом, имеющая в первую очередь нравственный характер оппозиция города и деревни у Семенова предполагает возможность преодоления, тогда как у Успенского такая возможность отсутствует, ведь в его замысле люди оцениваются в первую очередь в социальном аспекте, изменить который они не в состоянии.

Именно здесь и проявляется своеобразие позиции Успенского, точно отмеченное Чернышевским. Для творчества Успенского релевантны в первую очередь социально-экономические параметры. Крестьянство и высшие сословия у него несовместимы не потому, что первое «народно», а второе — нет, а потому, что представители разных слоев общества выросли в разных условиях и воспитаны совершенно по-разному. Иными словами, к рассказам Успенского понятие «народ» вообще приложимо в очень малой степени. Вполне понятно, почему критика конца 1860-х и 1870-х гг. пренебрежительно отнеслась к этому писателю. К. И. Чуковский объяснял репутацию Успенского тем, что «правда без всяких прикрас» (Чернышевский) о народе была не по вкусу идеализировавшему крестьян народничеству²⁰. Однако причина конфликта была значительно глубже: об этом свидетельству-

ет полное непонимание современниками позиции Успенского. Успенский придерживался крайне радикальных взглядов на общественное устройство России²¹, тогда как «левая» критика воспринимала его как крепостника²², а К. Н. Леонтьев — как «своего»²³. Это непонимание вызвано не разным отношением писателя и критиков к народу, — скорее, дело в том, что для Успенского понятие народа вообще лишено какого-либо значения, отличного от этнографического. Именно изображение народа как носителя нравственного начала требовали и народники, и толстовцы, подобные Семенову.

Поэтика рассказов Успенского вписывается в идеологический контекст 1856–1861 гг. с характерным для них стремлением к «дельности». Именно это свойство оказалось совершенно не востребовано более поздней русской литературой, в связи с чем Успенский был подвергнут осуждению и забыт до 1930-х гг., когда частичную «реабилитацию» его творчества осуществил К. И. Чуковский. Почти все критики, хвалившие Успенского, воспринимали его произведения как начало писательской карьеры, то есть ждали, что он перейдет к традиционному описанию «народа», учитывая накопленный опыт, но Успенский этого не сделал. Успенский, недаром иногда называемый одним из прототипов тургеневского Базарова²⁴, игнорирует одно из ключевых понятий русской культуры XIX в. В этом и состояла необычность рассказов Успенского, популярность которых в конце 1850-х–начале 1860-х свидетельствует о существовавшем в литературе тех лет стремлении к обновлению жанра рассказа из крестьянской жизни.

Примечания

- ¹ Рассказы Н. В. Успенского. СПб., 1861.
- ² Об этой статье см. новейшую работу: *Вдовин А.* Статья Чернышевского «Не начало ли перемены?» как литературный манифест // *Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов.* Тарту, 2009. С. 56–61.
- ³ *Современник.* 1861. № 11. Отд. II. С. 79–106.
- ⁴ *Время.* 1861. № 12. Отд. II. С. 174–183.
- ⁵ Ср., например: «г. Успенский менее чем кто-нибудь способен распорядиться своим дарованием. Это писатель-самоучка, не имеющий ни малейшего понятия о поэзии как искусстве» (*Современник.* 1866. № 2. С. 270).
- ⁶ Вошедшие в нее воспоминания, в т. ч. воспоминания о Толстом, уже печатались в журнале «Развлечение» в 1888 г.
- ⁷ «Если в памяти г. Успенского от сношения с разными литературными корифеями и сотоварищами не сохранилось ничего лучшего, кроме пошлых сплетен

- и пошлых разговоров, ему не подобало бы беспокоить себя и читателей воспроизведением такого материала» (*Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1889. 11 августа).
- ⁸ *Успенский Н. В.* Из прошлого. Воспоминания... М., 1889. С. 39–43.
- ⁹ Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 12. Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения (1828–1948). Т. II. М., 1948. С. 100. На это письмо в связи с творчеством Успенского уже обращали внимание исследователи (см.: *Дедусенко И. В.* Н. В. Успенский и Л. Н. Толстой // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 252–254).
- ¹⁰ Даже если эти мотивы и были представлены в первоначальном рассказе Успенского, показательно, что он опустил их в мемуарах.
- ¹¹ Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 2. 1906–1907. М., 1979. С. 565.
- ¹² См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 55. М., 1937. С. 302, 587.
- ¹³ *Семенов С. Т.* Крестьянские рассказы. Т. III. М., 1916. С. 87. Далее цитаты из рассказа «Недрузи» даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ¹⁴ В дальнейшем мы будем сопоставлять замысел Успенского только с его ранними рассказами, поскольку они были более известны современникам. В позднем творчестве писателя, за редкими исключениями, такими как повесть «Егорка-пастух», отмеченные нами особенности сохраняются.
- ¹⁵ Под степенью событийности имеется в виду наличие результативных изменений в художественном мире произведения и уровень их значительности: «Показателем результативности события является существенность его результата. Событие ощущается как тем крупнейшее, чем больше отличается отрезок жизни до него от последующего» (*Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М., 1971. С. 214).
- ¹⁶ См.: *Копорский С. А.* Из истории развития лексики русской художественной литературы 60–70 годов 19-го века (Словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова). Автореф. дисс... доктора филол. н. Калинин, 1951. С. 10.
- ¹⁷ См. также об ослаблении «авторского» голоса в прозе Успенского: *Лужановский А. В.* Н. А. Некрасов и Н. В. Успенский // Творчество Н. А. Некрасова. Исторические истоки и жизнь во времени. Ярославль, 1988. С. 57–64.
- ¹⁸ См.: *Панкратьев Ф. В.* Л. Н. Толстой и Н. В. Успенский // Стиль писателя и эпоха. Ташкент, 1981. С. 38–40.
- ¹⁹ Из современной литературы о «народе» и «народности» в русской культуре см., например: *Богданов К. А.* О крокодилах в России: Очерк из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 105–145.
- ²⁰ См.: *Чуковский К.* Жизнь и творчество Н. Успенского // Успенский Н. В. Сочинения / подг. текста, статьи и комм. К. И. Чуковского. Т. I. М.; Л.: Academia, 1933. С. 51–53.
- ²¹ «Убеждений держался самых крайних и оригинальных, авторитетов никаких и ни в чем не признавал, а всегда говорил: “Я верю только в то, что вижу”, счастье в широком смысле видел только в полнейшей самостоятельности, а супружеское счастье в понимании друг друга» (*Богоявленский С. А.* Николай Васильевич Успенский, писатель-народник (Мои воспоминания) // РГАЛИ. Ф. 1178. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2).
- ²² Например: «их рассказы, по своей основной тенденции, написаны в интересах крепостничества» (*Ткачев П. Н.* Разбитые иллюзии // Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. М., 1986. С. 171).
- ²³ См.: *Леонтьев К.* Какой Успенский — Глеб или Николай? // Гражданин. 1890. 11 июля.
- ²⁴ См.: *Гутьяр Н. И.* С. Тургенев и Н. В. Успенский // Литературный вестник. 1904. Т. VII. Кн. 1. С. 16–19.